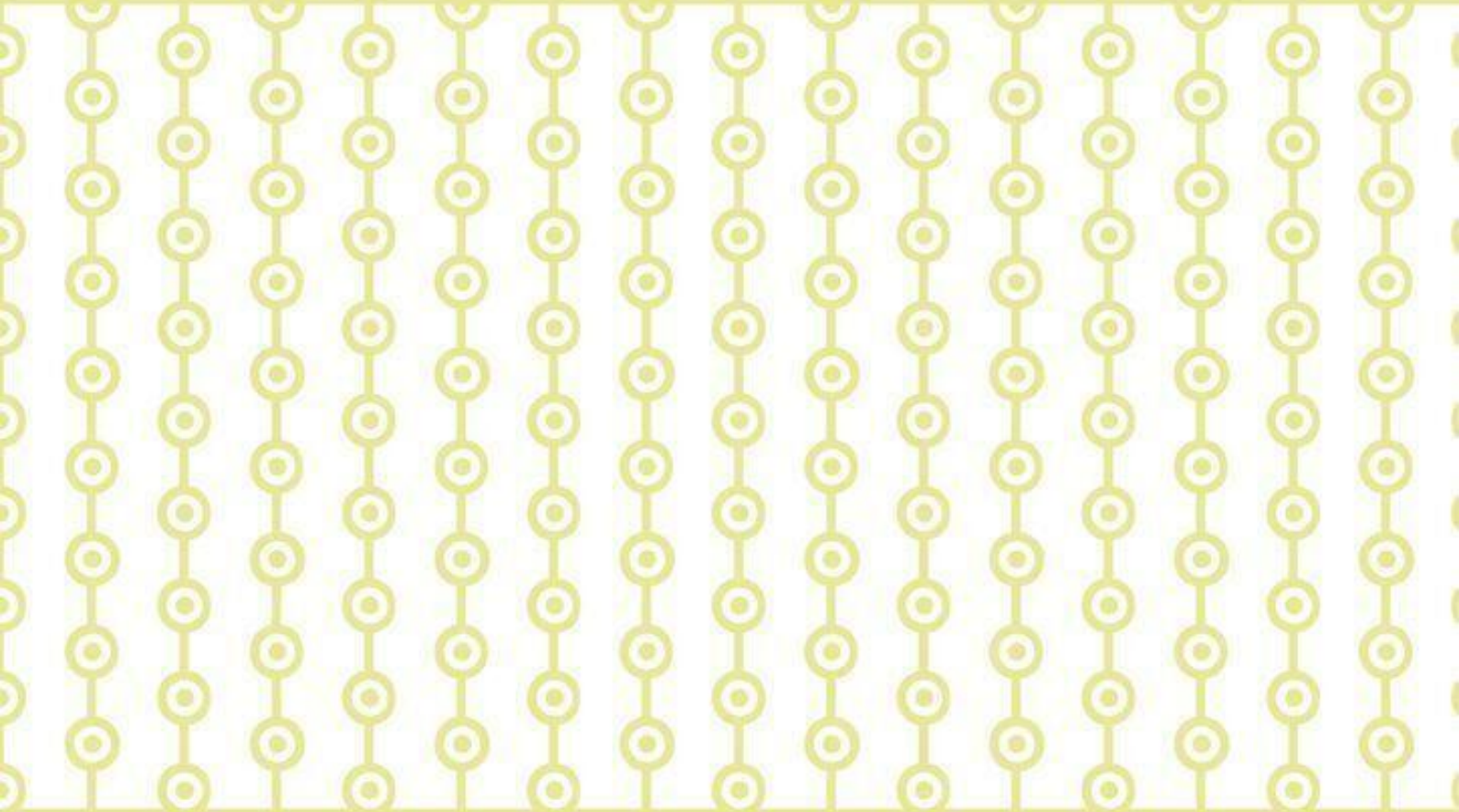

18+

Алекс Брайт

ПАКЕТ БАНАНОВ

Алекс Брайт

Пакет бананов

«Издательские решения»

Брайт А.

Пакет бананов / А. Брайт — «Издательские решения»,

Повесть о московском дне обычной девушки. День это или дно — это предстоит решить самому читателю. Книга из цикла честных повестей о жизни людей в мегаполисе.

Содержание

1	6
2	7
3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пакет бананов

Алекс Брайт

© Алекс Брайт, 2026

ISBN 978-5-0070-6951-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мне написали: «Доброе утро. Как восстановление?»

Я посмотрела на это сообщение и не сразу поняла, что значит «восстановление». От чего именно я должна была восстановиться? От ночи? От дороги? От спектакля? От Москвы, которая вчера показала мне своё нутро — мокрое, прокуренное, голодное, страшное? Или от жизни вообще, которая иногда не происходит, а наваливается сверху, как тяжёлое пальто с чужого плеча: пахнет сыростью, котом, мочой, вокзалом и чем-то ещё, что невозможно отстирать.

Я не ответила. Я вообще молчала.

Потому что я не спала.

Сон не пришёл, хотя тело давно было согласное на всё. Оно бы легло хоть на доски, хоть на кафедру, хоть в подъезде возле батареи, лишь бы его оставили в покое. Но обстановка была такая, что в ней не спят. В ней терпят. В ней лежат с открытыми глазами и слушают, как где-то за стеной кто-то кашляет, как в коридоре шуршит чужая жизнь, как в темноте не кончается ночь.

Я воняла котом. Не просто котом — котом, который жил здесь до меня, после меня и вообще, кажется, вместо меня. Воняла саньём, старым воздухом, диваном, на котором сидели другие люди, с которыми я никогда не хотела бы встретиться. Воняла всем, чем можно вонять, если мир внезапно решил лишить тебя твоей нормальной ванны, твоего полотенца, твоего крема, твоего угла, где ты можешь снять лицо и не быть никем.

Это бесило меня до злости.

На подбородке у меня была болячка. Ещё вчера это был прыщ. Обычный, противный, но терпимый прыщ, который можно было бы намазать чем-то точечно, заклеить, забыть, утром посмотреть в зеркало и решить, что жизнь пока продолжается. Но у меня не было ничего. Ни средства, ни нормального света, ни терпения. И я расковыряла его.

Теперь это была не кожа, а маленький кратер раздражения, воспалённый знак на лице, будто кто-то поставил печать: «Эта женщина не справилась».

Я думала, что начинаю понимать людей, которые курят.

Не потому, что мне нравился дым. Наоборот, он меня бесил. Я ненавижу запах сигарет, особенно когда он впитывается в волосы и шарф, когда стоишь возле входа и каждый считает своим правом выдохнуть тебе в щёку. Но вчера, глядя на себя со стороны, я вдруг поняла саму механику. Не желание курить — желание сделать хоть что-то. Занять рот, руки, секунду. Вставить между собой и реальностью тонкую белую палочку и сказать: подождите, я сейчас не живу, я перекуриваю.

Наверное, так люди и начинают.

А я шла утром в Москва-Сити с пакетом бананов.

Время было 8:55.

Бананы лежали в пакете как немой упрёк. Я несла их в руке и чувствовала себя женщиной из другого жанра. Вокруг уже открывались деловые лица, блестящие входы, стеклянные башни собирали в себе серое небо, люди в пальто шли быстро, уверенно, почти красиво. У кого-то в руках был кофе. У кого-то ноутбук. У кого-то — дорогая сумка, которая не знает, что такое вокзал в одиннадцать вечера и ребёнок, который от стресса согласен есть только картошку из «Ростикса».

А у меня были бананы.

И вайб был максимально не располагающий к покупкам в ЦУМе.

2

Накануне всё началось не в театре, хотя потом я решила, что театр начался раньше — ещё до того, как мы вошли в зал.

Мы ехали в сторону Мытищ. Я не люблю эту сторону. Не могу объяснить рационально, хотя рациональное у меня, конечно, есть: темно, пусто, люди какие-то выцветшие, станции будто не для жизни, а для ожидания. Там всё кажется временным, но при этом безнадежно постоянным. Как будто район построили не для того, чтобы кто-то жил, а чтобы кто-то добирался, терпел, старел и молчал.

Мне страшно в таких местах.

Я иногда думаю, что человек очень привязан не к городу, а к ощущению безопасности в нескольких кварталах. Мой район — это не просто дома, магазины и дороги. Это карта, где я знаю, у какого подъезда всегда горит свет, где стоит охранник, где можно зайти в аптеку, где лучше не идти, где собаки лают, но не кусают. Это знание делает меня почти спокойной. Я могу ругаться на свой район, уставать от него, мечтать переехать, но каждый раз, оказавшись где-то вроде вчерашнего места, я понимаю: я люблю его. Люблю как любят не идеального человека, а своего.

Потому что в нём я хотя бы знаю, куда бежать.

А там я не знала.

Мы вышли со станции, и вокруг не было почти никого. Та пустота, которая не расслабляет, а напрягает. Когда идёшь и слышишь слишком много своих шагов. Когда ребёнок рядом молчит, потому что тоже чувствует: что-то не так. Когда ты пытаешься держаться спокойно, говорить обычным голосом, но всё внутри уже сканирует пространство — кто сзади, кто впереди, где свет, где люди, где можно спрятаться, если что.

Потом навстречу нам вышел мужчина.

Он шёл так, будто его тело получило инструкцию двигаться, но душа отказалась участвовать. Ноги переставлялись медленно, руки висели, голова была под странным углом. Он не смотрел прямо, но от этого становилось ещё хуже. В страшных фильмах про зомби-апокалипсис такие фигуры появляются на пустой дороге, когда герои уже понимают, что мир кончился, просто ещё не успели сказать это вслух.

Я не знаю, что с ним было. Алкоголь, наркотики, болезнь, жизнь — какая разница, если тебе страшно и рядом ребёнок. Я только почувствовала, как всё внутри у меня сжалось в одну точку: пройти, не смотреть, не ускоряться слишком заметно, не показывать страха.

Потом я подумала: как здесь живут люди?

Нет, правда. Как они вечером возвращаются домой? Как отпускают детей в магазин? Как выходят в темноту с пакетом мусора? Как привыкают к тому, что страшно?

Может быть, они не боятся. Может быть, это я такая. Избалованная своим районом, своими маршрутами, своими привычками, своими иллюзиями контроля. Может быть, им нормально. Может быть, они смотрят на мои башни Москва-Сити и думают: как там жить, среди стекла, денег, одиночества и женщин с пакетами бананов?

Но вчера мне было всё равно, что думают они. Я хотела уйти.

3

Ребёнок хотел есть.

И тут надо понимать: ребёнок хотел есть не вообще. Не суп, не салат, не «давай купим что-нибудь нормальное», не «потерпи до дома». Она была в стрессе, а у стресса есть свои законы. Когда взрослый человек в стрессе, он может сказать: я сейчас не могу есть ничего, кроме вот этого конкретного блюда из вот этого конкретного места, иначе я развалюсь. Но взрослому за это обычно стыдно. Ребёнку — нет.

Она хотела «Ростикс».

Было около одиннадцати вечера, и мы пошли на вокзал.

Я ненавижу вокзалы.

Вокзал — это место, где город снимает макияж. Днём он ещё может притворяться: вот туристы, вот чемоданы, вот кофе навынос, вот электронное табло, вот люди едут в командировку или на дачу. Но поздно вечером вокзал становится тем, чем он является на самом деле: большим светлым аквариумом для тех, кто никуда не принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.